

Фольклор в минималистской прозе Ли Смит

К южным писателям-минималистам, как правило, критики относят Дороти Аллисон, Ли Смит, Бобби Энн Мейсон, Джилл МакКоркл, Клайд Эдгертона, Гарри Круза, Ричарда Форда и др. Хотя каждый из этих авторов обладает своеобразной творческой манерой, есть ряд качеств, которые сближают их всех. Это, прежде всего, внимание к внешнему поведению персонажей, обилие бытовых диалогов, а также отсутствие авторского комментария и особой риторики, характерной для южной литературы во все времена ее существования. Действительно, на первый взгляд, эта литература воспринимается как довольно скучное, изнуряющее, лишенное драматизма чтение. Именно такое ощущение испытываешь, прочитав первые главы любого из минималистских романов. Однако, постепенно вникая в текст, начинаешь понимать многое, что ускользает от беглого поверхностного взгляда. Огромное значение в подобном случае приобретает так называемая «стилистика читателя», его способность разглядеть за неброским фасадом простых вещей занимательный рисунок из идей, вкусов, настроений, которые автор не выставляет напоказ, но ненавязчиво и мягко предлагает читателю увидеть самому. Поэтому, безусловно, прав Фред Хобсон, заметивший, что «минималистская литература требует не минималистского читателя».

На наш взгляд, появление этой тенденции имеет культурно-социологическое объяснение. Такие понятия, как Гражданская война, Реконструкция, Депрессия, которые вызывали шоковое состояние общества и порождали массу драматических ситуаций, великолепно отображенных в литературе «ренессанса», давно уже стали достоянием истории. Психологический надрыв, трагизм, присущий, например, фолкнеровским героям, живущих на изломе эпох, в современной, мирно текущей и преумножающей свое благополучие южной жизни смотрелись бы либо анахронизмом, либо откровенной патологией. С другой стороны, живой пульс традиции, основанной на высокой художественности, не дает замолчать «обиталищу певучих птиц», не позволяет превратиться серьезной литературе в плоское бытописание. Отсюда и скрытое напряжение минималистской прозы, и намеки на глубинные, вечные проблемы человеческого бытия, требующие вдумчивого прочтения.

Непосредственной предшественницей минимализма в южной литературе считается Юдора Уэлти на том основании, что в ее прозе, во-первых, преобладает бытовая сторона южной действительности, т.е. автор, главным образом, уделяет внимание незамысловатым жизненным ситуациям, и, во-вторых, что особенно важно, Уэлти избегает фолкнеров-

ской усложненности человеческих взаимоотношений и риторического стиля, которые для многих начинающих писателей 60-х гг. служили образцом для подражания. Помимо этого, авторский голос в ее произведениях, как правило, занимает скрытую позицию, полностью доверяя читателю комментарий той или иной ситуации.

Вопрос о дальнейшей судьбе минимализма в американской литературе в целом и южной в частности, остается пока открытым. Многие критики заметили тенденцию возвращения к сложной, философской, орнаментальной прозе модернизма, где оригинальный голос автора важнее привычных художественных образов и сюжетной динамики. Таковыми, например, являются работы Чарльза Фрейзера, Тони Моррисон, Кормака Маккарти и др. И хотя наметившееся возрождение модернистских подходов все больше привлекает внимание литературоведов, минимализм по-прежнему занимает свое прочное место в системе литературных ценностей современной Америки, открывая перспективы своего взаимодействия, как с модернистскими, так и другими направлениями американской словесности.

Наиболее яркой представительницей минимализма в южной литературе является уроженка горных районов Виргинии, а ныне проживающая в Северной Каролине Ли Смит. К началу XXI в. писательница была автором 9 романов, четыре из которых – «Разлом Черной горы», «История, рассказанная вслух», «Сон Дьявола», «Последние девушки» считаются наиболее показательными в плане сочетания южной традиции с минимализмом.

«История, рассказанная вслух» поражает многообразием персонажей, глубиной психологических трактовок, остротой драматических сцен и задушевностью лирического элемента. Но есть два аспекта в новом романе, которые либо вовсе незаметны, либо существуют на периферии «Разлома». Это тема семьи и семейного счастья, а также удивительно богатый фольклорный пласт произведения. Если первая тема является ключевой во многих произведениях южной школы, то фольклорная тематика, представленная на таком уровне, безусловное новаторство Смит, поскольку эта особенность всегда была более характерна для западных, «фронтирных» регионов Америки.

Фольклористика является главным составляющим элементом местного колорита в романе Смит. Южные писатели, работающие в этом жанре, всегда тяготели к изображению нюансов и деталей определенных регионов, сосредотачивая свое внимание на местном говоре, одежде, обычаях данной местности, т.е. на ее отличительных этнокультурных особенностях. Типология героя не отличается при этом большим разнообразием: это белые бедняки южных штатов, бывшие рабы, горцы, креолы. Как правило, местные колористы обращаются к теме сельской жизни, поскольку здесь в большей степени сохранилась атмосфера преиндустриальной Америки, и

традиционные ценности, не соответствующие общенациональной постмодернистской культуре. Внешне местный колорит связан с реалистическим методом. Однако справедливы упреки в том, что он не проявляет интереса к серьезным человеческим проблемам, характерным для реалистического метода. По этой причине термин «местный колорит» иногда употребляется в качестве уничижительного ярлыка для определения литературы, неспособной отображать глубокую философскую тематику. По мере того как в начале XX в. стал набирать популярность критический реализм, литература местного колорита отходила на второй план как нечто примитивное и сентиментальное. Но нельзя отрицать того факта, что этот жанр является важной частью американской традиции. В последнее время вместо попыток идентифицировать и дать единое определение национальной американской литературе, все чаще и чаще литературоведы, начиная со второй половины двадцатого века, стараются сосредоточивать внимание не на общих, связывающих воедино общенациональный литературный процесс явлениях, а на культурное, географическое и демографическое разнообразие страны. И в этом направлении литература местного колорита представляет собой богатый материал для исследования.

Культурное пространство романа многомерно. Ф. Гобсон обращает внимание на три основных пласта: *народно-фольклорный, аристократически-виргинский и современный постмодернистский*, представляющий массовую культуру. Говоря о мультикультурном характере романа, критик не скрывает своей симпатии именно ко второму элементу своеобразной эстетической парадигмы романа. Считая виргинский элемент, представленный рассказом Берлиджа, наиболее удачным и южным по своей природе. Народно-фольклорному же элементу Гобсон отводит второстепенную роль атавистического начала в узкорегionalной культуре Аппалачей. На наш взгляд, именно народно-фольклорная часть поэтики романа в наибольшей степени обуславливает его неподражаемое своеобразие, художественную глубину. Здесь можно выделить три раздела: а) **сказочно-мистический**, содержащий сказочные сюжеты, мотивы и фантастику; б) **природно-магический**, включающий приметы, обычаи, суеверия, основанные на наблюдениях за окружающим миром и его метафизическим объяснением; в) **развлекательно-поэтический**, состоящий из баек, занимательных историй, песен, прибауток, считалочек, частушек и т.д.; г) **фольклорно-стилистический**, воплощается в повествовательной манере южного сказа, а также использующий образы дикой природы в качестве базисных элементов в сравнениях и метафорах.

Исключительно фольклорный характер имеет первая часть романа, рассказывающая о прошлом рода Кантреллов. Наиболее броским элементом ее художественной структуры является сказочный колорит, заставляя-

ющий на время забыть о реальности окружающей жизни. Очевидны сказочные мотивы в сцене знакомства Альмерина с рыжей Эмми в горах, где он заблудился на охоте. Птица красного цвета (кардинал ?), за которой он, словно замороженный, послушно следует, приводит его к встрече с дочерью старого Айсома – огненно рыжей Эмми, настоящей ведьмы, имевшей сношение с дьяволом. Это свидание также неожиданно заканчивается, как и началось: Альмерин на мгновение отворачивается от полуобнаженной колдуньи, как она растворяется в воздухе, словно дым. Молва говорила о том, что старый Айсом создал Эмми колдовством из черного воздуха Вороньих утесов. Таким образом предопределяется странный, магический характер первого брака героя, а также усиливается фольклорный пафос всей главы, предупреждающий читателя о том, что скучных банальных событий в этом мире не будет. И действительно, далее чудеса идут по нарастающей. Пашня во время первой весенней грозы – кульминация «мистического» мотива во взаимоотношениях Альмерина с Эмми. Внешне картина впечатляет своим infernalным колоритом. Мокрые распущенные волосы колдуньи, смертельная бледность, внезапно постаревшее лицо и ее всевидящее око, любовный экстаз, крик животных при каждой вспышке молнии, плевков ведьмы на мокрую землю, отозвавшийся острой болью в боку у наблюдавшей за этой сценой Грэнни – все это напоминает ужасы готического романа. В духе средневековых суеверий объясняет Грэнни губительную силу рыжей ведьмы, которая по ночам никогда не спит, а вселяется в людей и животных, гложет их изнутри и доводит до смерти. Поэтому и Альмерин не похож уже сам на себя: бледный, тщедушный, высохший. Удивительно, как это мракобесие сочетается в сознании селян с элементами христианской религии, которым отводится роль магического действия в языческом ритуале. Вот так, например, Грэнни советует Альмерину избавиться от Эмми: «Ты должен ее выбросить... Ты должен золой на ее груди и лбу нарисовать крест и выбросить ее за дверь, при этом как можно громче кричать про Отца, Сына и Святого Духа». «А если это не поможет?» – спрашивает Альмерин. – «Тогда ты должен ее порезать и нарисовать крест кровью». В конце концов, Альмерину удается избавиться от «дочки дьявола», но сказка на этом не заканчивается. Дикий хохот колдуньи слышен в горах и по-прежнему наводит ужас на людей и животных, а родившегося ребенка не кормила грудью три дня, а затем бросила его в огонь, сама же она будет жить вечно.

Вторая женитьба Альмерина происходит в волшебном-лубочном стиле. Сказочный мотив сватовства тесно переплетается с конкретной обстановкой поселка, с простотой и грубостью его нравов. Случайно проезжающая через Блэк Рок повозка со странными людьми неожиданно определяет дальнейшую судьбу героя. Альмерин выменивает юную красавицу Приси Джейн у ее отца (возможно, цыгана) на мула. Такая дикость возму-

щает Люсиль Астон – сестру старого судьи Астона. Чтобы исправить положение она тащит «молодых» к себе домой и просит уже почти слепого судью сочетать их законным браком. И хотя это беспрецедентный случай, судья соглашается.

Ничто так не погружает в фольклорную мистику, как народные приметы и суеверия. В центре большинства из них магическая сила луны или солнца.

Большинство из них связаны с темой рождения или смерти. «Кровь на луне» в рассказе вещуньи-сказительницы Грэнни Янгер предвещает беду. Детей лучше всего рожать в полную луну, «полная луна не предвещает беды». Природа как бы участвует в трагическом действе: в день смерти Ели, например, «узкий серп луны появился из-за снежной горы и кроваво-красный, как нож убийцы, повис в небе...». Какая-то мистика окружала и смерть Дори. Она уходила из дома на два или три часа, иногда на весь день. Часто погружалась в какое-то занятие, например, подшивала юбку, но вдруг неожиданно вскакивала, снимала наперсток и выходила из дома. Неизвестно куда она ходила, но несколько раз видели его у железной дороги, когда она шла вдоль нее с высоко поднятой головой будто прислушиваясь к шуму поезда. Она умерла в 1937 г. Она упала или легла на рельсы и поезд отрезал ей голову, словно какая-то сила пришла за ней.

После смерти сына Альмарин должен вырезать еще живое сердце коровы, выстрелить в него пять раз и затем выстрелить в луну. Окровавленную рубашку убитого не стирают до тех пор, пока не свершится месть.

Джинг Кантрелл рассказывает о том, когда лучше резать свиней. Нельзя это делать в нарождающуюся луну, потому что не будет сала. А если ты зарежешь в молодую луну, мясо будет оставаться сырым как бы ты не варил его. Но когда луна убывает, то и мясо убывает и ты получишь половину того, что хотелось бы. Надо резать в первый холодный день позднего ноября, когда луна полная и в этом все дело.

Грэнни советует Джейн доить корову не в тени, а на солнце, потому что молоко тогда вкуснее. «На пути к смерти трава не растет», поэтому дорога, ведущая к кладбищу, никогда не бывает зеленой. А когда умерла Грэнни Янгер, во всех домах двери распахнулись настежь.

Рождение ребенка – ритуально-театрализованное действие. Вот как описывает рождение дочки у Альмерина и Приси Джейн главная сказительница поселка Грэнни Янгер: «Вот что они делают: ты звонишь в колокол, и Альмарин сделал это, и все женщины и девушки пришли отовсюду и принесли еду. Только маленьким девочкам и одиноким женщинам запрещалось приходить. И все они ели-пили. Альмарин приготовил немного самогона и имбирных лепешек, которые испекла Приси Джейн, когда подходило ее время рожать; и они обмажут ребенка печной золой,

это – для удачи, и затем достанут из-под кровати топор, который положили туда, чтобы облегчить боль роженицы. И затем они возьмут его и рубят шапку отца, если, конечно, найдут ее – но Альмарин оставил ее на видном месте. И потом они возьмут и зарюют одеяло, на котором рожала женщина, и только тогда пойдут домой. И все это было как во сне». Для девушки считается большим грехом перед свадьбой подстригать волосы.

Ряд примет связан с определенными сезонами и сельскохозяйственными работами, например, девушки верили, что «если умыться первым весенним дождем, то лицо станет красивым»; осень – это время копать картошку и созревания тыкв. В конце июля наступают «собачьи дни». Это время несчастий и бед. В эти дни кровь не сворачивается, раны не заживают, кости не срастаются. Именно в «собачьи дни» болотной росой отравляется корова Кантреллов, что впоследствии становится причиной смерти Присли Джейн и ее маленького сына Ели. Пушистая гусеница означает, что зима будет холодной Ричарда Берлиджа удивляет в обитателях городка «глубокая простата» и «единство с земными природными вещами» .

Некоторые приметы связаны с магией слова, например, сливки, которые сбивает Грэнни, не становятся маслом, потому что в этот момент она врет Альмерину, о том, что ей ничего неизвестно об Эмми.

Есть и сугубо местные, мотивированные обычаи. В Ред Бранче принято оповещать о приближающемся к деревне незнакомце трехкратным криком, чтобы предупредить бутлегеров о возможной опасности.

Есть приметы воспитательного свойства: Родо говорит Оре Мей о том, что «если у тебя есть дар и ты не используешь его, он повернется против тебя. Запомни мои слова. Если ты будешь держать его внутри себя, он тебя съест заживо изнутри». Есть возникшие в школьной среде: во время грозы ты можешь считать с момента сверкания молнии до момента грома, считать надо медленно: «один бойскаут, два бойскаута, три бойскаута ...» и сколько бойскаутов ты насчитаешь пока прогремит гром, столько миль до того места, где ударила молния. Мифологизированное сознание обитателя Ред Бранча не могло не отразиться в их языке, прежде всего, в сравнениях и метафорах, насыщенных природными аллюзиями. Самый старый представитель рода, отец Альмерина, Чарльз Вэнс Кантрелл был «коварен как змея» Мать Нэнси Уилей на сельском празднике смотрит за танцующей дочкой «ястребиным взглядом) [318, 30]; Альмарин «был силен как бык» [318, 28], Харви Джастис смеется «как ишак». Ветер в соснах звучит как песня. Джастин Пул встает из кровати и одевает халат, при этом встряхивается, словно собака, выпрыгнувшая из воды. Вэшти Кантрелл и Ора Мей смотрят сурово как орлицы из-под своих шляп, и обуты в сапоги как ведьмы из сказки. Ора Мей как посланец из вечного мира любви, как записка из бутылки, брошенной в море. Ора Мей как

ангел смерти, как огромный темный камень, как кусочек обсидиана.

Подлинным украшением текста являются народные песни, баллады, частушки, промбаутки, считалочки с образами местного колорита типа «Энни-мини-майни-мено. Поймай негра за колено. Если будет он орать, отпусти его гулять. Раз-два-три. Раз-два-три, покружись и выходи».

Есть и блестящие музыканты-исполнители, например веселый балагур Старый Джо Джонсон. Следует отметить, что песенное искусство – динамический пласт народной культуры. Роман Ричарда Берлиджа с Дори Катрелл не увенчался успехом, но остался в фольклоре. Эту задушевную песню сочинил и исполняет под гитару Литл Лютл Уэльд.

Очень важную роль в художественном мире произведения играют **байки и истории**. Именно они создают реальную картину народной жизни.

Действие романа начинается в 80-е гг. XIX в. и завершается в конце XX в. Время это было драматическим в истории Юга. Самые старые герои помнят Гражданскую войну, пережили тяжелое время Реконструкции, кризисные 20–30-ые годы, социальные и расовые конфликты 60-х. Все это стало главной тематикой «южного ренессанса» от Фолкнера до Стайрона и Прайса. Ничего подобного в романе Ли Смит нет. Иной раз складывается впечатление, что действие романа происходит не в США, а в какой-то другой стране, название которой не имеет значения. На эту отчужденность от социально-исторической конкретики, характерную сегодня для многих «серьезных американских писателей», обратил внимание Г.Злобин: «Будничная, однообразная обстановка, обыкновенные, ничем не примечательные люди, ограниченный круг насущных забот и интересов – все это плохо согласуется с широким временным захватом произведения...». С одной стороны, критик видит в этом определенную «узость – не предмета изображения, а угла зрения, узость исторического видения художника». Но, с другой стороны, подчеркивает: «Тут – целая философия, философия авторская... История – это **обыкновенность**, это сумма тех частных семейных историй, за которыми мы следили в течение четырех поколений. В них начало и конец человеческого времени. Великое носит уличную одежду». В терминологии одного из представителей «поколения 1898 года», испанского писателя Мигеля де Унамуно, в подобных произведениях мы имеем дело с «интраисторией», которая складывается из народных обычаев, верований, повседневных забот, маленьких радостей и огорчений. Интраистория пропитана духом коллективного творчества и противопоставлена «внешней», «официальной», «идеологизированной» истории.

Реальная жизнь региона оживает в рассказах, байках, легендах. Из рассказов говорливого Олдоса Рйфа, касающихся конкретных судеб и событий, можно узнать больше, чем из любого учебника. История головорезов братьев Байзденов рисует впечатляющую картину абсолютного беззакония,

царившего на Юге в первые десятилетия после Гражданской войны. Рассказ о шести линчеванных и изуродованных пулями неграх – свидетельство о расовой ненависти уже более позднего времени. Эпизод о том, как голодный патруль набрасывается на сохнувшие во дворе индейской женщины шкурки, красноречиво говорит о лишениях военного времени.

Роль фольклорного элемента в романе Ли Смит трудно переоценить. Функция его многообразна. Во-первых, это эффективнейшее средство создания местного исторического, социального и культурного колорита, что представляет собой основу почвенности южной прозы. Во-вторых, это один из элементов орнаментальности текста. Помимо этого, фольклор можно рассматривать и как культурно-философский фактор, придающий произведению дополнительное метафизическое измерение, и как прием мифологизации конкретного художественного пространства.

Таким образом, фольклорный элемент в романе Л. Смит находится на пересечении двух важнейших уровней южного текста – *конкретного и репрезентативно-символического*. Отказываясь от схематичности и условности изображаемого, писатели южной школы трактуют «идеальное» как естественное человеческое стремление к духовным обоснованиям окружающего мира в терминологии «конкретного», следовательно, философским подтекстом этой категории является движение от объективной реальности к идеи, а не наоборот, когда действительность вгоняется в прокрустово ложе интеллектуальной схемы, выхолащивающей из нее все живое. Отсюда и своеобразная, насыщенная структура южного хронотопа, где сложные пространственно-временные отношения многофункциональны и являются главным жанрообразующим фактором.

Библиографический список

1. Hodson Fred C. The Southern Writer in the Postmodern World. Athens & London: The University of Georgia Press, 1991. 114 p.
2. Smith Lee. Oral History. New York: Ballantine Books, 1983. 293 p.
3. Злобин Г. Предисловие / Р. Прайс. Земная оболочка. М.: «Худ. лит», 1980. 702 с.